

Волгоградская правда

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ — НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Русский сын России и Болгарии

в судьбе волгоградца Ивана Григорьевича Тинина
интересное, смешное и великое, кажется, неотделимы друг от друга...

КАКОВ человек сам — таким ему и мир открывается. Истину эту я вспоминал неоднократно, беседуя с самым, должно быть, пожилым из преподавателей Волгоградского государственного университета. Но оптимизма вместе с чувством юмора, здорового и смачного, Иван Григорьевич не растерял и по сей день. Слушать воспоминания о прожитой им жизни, тесно связанной с судьбой двух стран, России и Болгарии, сплошное удовольствие. Несколькими этими историями, поведанными мне Тининым, я захотел пересказать читателям.

ПОТОМОК ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИКА

Родители Ивана Григорьевича, потомственный дворянин Григорий Иванович Тинин и Анна Александровна Лаврова, бывшая в Царском Селе гувернанткой барона фон Перберга, уехав из России в пору революции, встретились и познакомились в Египте. Так что зачат он был под знойным южным солнцем и под пальмами. Родился же в Болгарии, в городе Дряново, что верстах в двадцати от Габрово — столицы юмора и смеха. Того самого города Габрово, на гербе которого изображена кошка с отрубленным хвостом (чтобы, пока проходит в дверь, меньше тепла выходило из комнаты).

Мать Ивана Григорьевича получила воспитание в Санкт-Петербурге, в доме по адресу Мойка, 14 — предназначеном для незаконнорожденных детей российской знати. Того, кто был ее отцом, не знала даже и она сама. Получала лишь на Рождество и Пасху от кого-то ценные дары без подписи и адреса, но всегда с пометкой «милый Нюре».

Фамилия «Лаврова», — делится размышлениями Иван Григорьевич, — явно вымышленная. Имя Александр рядом с Николаем и Константином — типичные имена российских великих князей.

Старые же русские аристократы-эмигранты, встречая отпущившего борздя И. Тинина, неоднократно восклицали: «Вылитый Николай Николаевич!».

Николаем Николаевичем звали дядю царя Николая Второго — последнего в истории империи претендента на русский престол.

Так что есть основания считать, что в Кировском районе Волгограда проживает потомок престолонаследника...

«БЕЛЫЙ БЛЕДНЫЙ БЕДНЫЙ БЕС...»

В русской гимназии в Софии, куда со временем отдала Тинина, учили детей написанию слов по старой орфографии — со всеми «ятями» и «ерами». Правильность их применения издавна была для русских интеллигентов мерилом грамотности человека.

И учили дети наизусть стихик: «Белый бледный бедный бес побежал обедать да и ведьму там проведать...» Все входящие в него слова должны были писаться через «ять».

Рисование же в классе Тинина преподавал сам князь Глинский. Был он учителем строгим, недисциплинированности не любил. Провода, проявлялось

это у него своеобразно: первых четверых нарушителей порядка он ставил носом в угол класса, а остальных выгонял из него и делал пометку в журнале. Это уже было для учеников чревато.

Попались однажды ему под горячую руку и Тинин со своим товарищем. — Тинин, Цибулевский — в угол! — заявил учитель.

ЗНАЙ РУССКИХ!

Армейского лиха за годы войны Тинин отведать сполна. Поначалу служил в Македонии, куда болгарские войска были направлены на борьбу с партизанами, хотя своих обязанностей на сей счет фактически не исполняли.

В начале сентября 1944 года на тер-

Свободный угол был всего один. Из-за того, кому в него попасть, между мальчишками возникла потасовка.

— Тинин, Цибулевский! Оба — вон из класса! — во всю глотку завопил князь Глинский...

НА ЕЛКЕ У ПЕТЛЮРОВЦЕВ

— Русская эмиграция, — вспоминает Иван Григорьевич, — была в ту пору крайне разобщенной. Сказалось это и на гимназистах — у них тоже был свой раскол на «витязей», «разведчиков», «кутеповцев», «скаутов», «соколов»...

Отец Ивана Григорьевича обладал очень красивым, сильным голосом. Выступать на новогодних елках приглашали его многие из эмигрантов, в том числе украинцы. У украинцев елок было три: елка сторонников директории, Петлюры и гетмана Скоропадского. После выступления на одной из них бывшие петлюровцы, расчувствовавшись, подарили сыну певца дорогой отрез на костюм. Но Ваньку Тинина это расстроило: «Всем детям подарили бараны, а мне — тряпки какие-то...». Он горько плакал до тех пор, пока и ему барабан не вручили.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ БОЛГАРСКОЙ АРМИИ

Со временем в Болгарии был издан закон, согласно которому каждый родившийся в этой стране становился ее подданным. А это значило для Тинина, что он отныне — полноправный гражданин Болгарии и должен был быть призван в болгарскую армию.

Благодаря гренадерскому росту вкупе с молодецкой внешностью Тинин стал правофланговым солдатом первого отделения первого взвода первой роты первого батальона первого полка. «Первый солдат болгарской армии», — так называлось это место. В ней бытовало поверье, что если падет первый солдат — рухнет и вся армия Болгарии.

Правда, пробыл в этом почетном звании Тинин недолго и после очередной командировки был назначен на другое место. Причины тайной не являлись: шла война, Болгария была союзницей Германии, Тинин же был русским, хоть и сыном эмигрантов...

произведении он выражает, однако, сомнения: был ли в самом деле издан Сталиным такой указ? Подтверждаю: указ такой был. Он вышел в свет 14 июня 1946 года. В соответствии с ним каждый бывший подданный Российской империи мог получить советское гражданство.

Пункт выдачи советских паспортов открылся и в Софии. Десятки русских эмигрантов потянулись в это учреждение — бывшие графы, князья да полковники. Настроение у всех было приподнятым: «Наконец мы снова станем настоящими, а не беглыми русскими!»

В числе этих людей был и Тинин. Правда, кое-кто из знакомых его отговаривал: «Не подавайте заявления, вас укунут в Сибирь!» На что Иван Григорьевич ответил: «Но и Сибирь ведь тоже русская земля...».

С получением паспорта серьезных проблем не возникло. Разве что принимавший у Тинина заявление майор КГБ Шлак расхохотался: «Вы что, и впрямь хотите, чтобы я в советском паспорте написал вам, что вы — потомственный дворянин?!» И в соответствующей строчке сделал правку: «Служащий».

Группа бывших болгарских граждан, вместе с которой Иван Григорьевич прибыл в СССР, была направлена на жительство в сталинградское Заволжье, в Гмелинку. Встретивший там переселенцев директор местного совхоза Хренов спросил их сразу же: «Где ваши козы?»

— Какие еще козы?

— А нам сообщили, что прибывают болгарские огородники с вагоном коз...

Начальник же тока Фурман первым делом поинтересовался у приехавших: «За что и на какой срок?»

«БОЛГАРСКИЙ ОБЫЧАЙ»

После смерти Сталина репатриантам из Болгарии было разрешено выбирать место жительства по собственному усмотрению. Тинин сразу же отправился на поиски работы в Сталинград.

В пути шофер грузовика поучал Ивана Григорьевича: «Ты вот что, парень! Дурাকা не валяй! Хочешь найти хорошую работу — ставь литр начальству!»

Вняв этим советам, Иван Григорьевич, едва приехав в город, купил пару бутылкок водки. Пошел к редактору «Сталинградской правды» А. М. Монько: «Хочу в корреспонденты к вам устроиться. Опыт работы имею — в Болгарии работал журналистом в редакции газеты «За Советскую Родину!»

«У нас сейчас все занято, — ответил Алексей Митрофанович. — Но не хватает опытных кадров в районках. Попробуйте через обком партии устроиться туда!». И порекомендовал обратиться к заведующему сектором печати В. М. Бандуре. Тот, в свою очередь, поняв, что Тинин имеет отношение к культуре, переговорив по телефону с начальником областного отдела культуры И. М. Адаевым, предложил Ивану Григорьевичу работу художника в каком-либо из районов области на выбор.

Ободрованный этим, Тинин широким жестом вынул из портфеля две бутылки водки и поставил их на стол Бандуре. Тот обомлел: «Это у вас что — болгарский народный обычай такой?»

— Да нет, это меня в совхозе научили...

— Так заберите эти две бутылки и больше никому нигде их не давайте!

А Монько с Адаевым долго потом сокрушались, что Тинин не отдал им те бутылки...

Вскоре Иван Григорьевич стал художником Дубовского районного ДК. Затем, с отличием закончив столичный институт культуры, работал преподавателем в Волгоградском культпросветучилище. А сейчас вот уже скоро два десятилетия трудится он в ВолГУ, преподавая священную историю и этикет. На покой не собирается, хоть годы все сильнее берут свое. Но Иван Григорьевич не прочь и в двадцать первом веке поработать вволю...

Александр ЛИТВИНОВ.
Фото Владимира ВИКТОРОВА.